— Сегодня Цзуцзун заступает на дежурство, я иду его забирать, хочешь со мной? — вдоволь подразнив Хэ Яньхуэя, Лин Су наконец соизволил отпустить его, взял свою камеру, заглушил мотор и приготовился выходить.

Хэ Яньхуэй немного подумал, поджал губы и сдержанно, едва заметно кивнул.

Лин Су с улыбкой произнес: «Хорошо», — захлопнул дверцу машины, обошел ее с другой стороны, встал на тротуар и открыл дверь со стороны Хэ Яньхуэя.

Улыбаясь, он оперся одной рукой о дверной проем, наклонился и сделал преувеличенный жест:

— Добро пожаловать, многоуважаемый господин.

Лин Су взял за руку Хэ Яньхуэя, который по всем правилам держал ладони на коленях, и крепко сжал ее в своей ладони.

Ноги Хэ Яньхуэя еще не полностью восстановились, и по настоянию Лин Су он все же сел в инвалидное кресло. Лин Су встал позади него, везя за собой, и они не спеша прогулялись по улице. Нежные зеленые листья платанов по обеим сторонам дороги только-только распускались, и когда налетал ветерок, они шуршали.

Эту улицу можно было считать редким тихим уголочком в центре Хайчэна. Большинство заведений здесь составляли кофейни или художественные студии, и в будний день после обеда на всей улице трудно было заметить хоть чью-то спешную фигуру. Кое-где прогулывались парочки молодых людей или беззаботно сидели студенты, делающие зарисовки под уличными зонтами.

Хэ Яньхуэй сидел в инвалидном кресле, а прямо над его макушкой раздавалось легкое и радостное напевание Лин Су. Хэ Яньхуэй не знал этой песни, но невольно начал отстукивать пальцами ритм. В воздухе витал легкий, едва уловимый сладковатый аромат — он до боли напоминал запах дыхания Лин Су, касающегося его щек.

— Чуешь запах цветов? — Лин Су остановился в тени деревьев, склонился к плечу Хэ Яньхуэя и, повернувшись, с улыбкой спросил: — Вчера приходил гость и принес букет, он как раз стоит на подоконнике.

Хэ Яньхуэй опустил голову и легко кивнул:

— Очень пахучие.

От тебя тоже вкусно пахнет.

Было бы здорово, если бы я мог тебя видеть. Видеть, как ты улыбаешься мне — как же это было бы прекрасно.

— О чем это ты задумался? — Лин Су прервал блуждающие мысли Хэ Яньхуэя, с улыбкой погладив его по голове. — Пойдем внутрь, познакомлю тебя с твоим будущим соседом.

Хэ Яньхуэй вжался в плечи под рукой Лин Су, явно изо всех сил пытаясь привыкнуть к столь близкому обращению, словно с ребенком.

В магазине Лин Су, как всегда, было полно народу, поэтому он тайком провел Хэ Яньхуэя через черный ход.

— Сегодня мы забираем из больницы маленького ученика Хэ! — Лин Су поставил камеру на свой маленький столик, закрепил ее, подкатил Хэ Яньхуэя вплотную и, взяв его за руку, помог нащупать пустую поверхность столешницы.

— Когда я нахожусь в магазине, я сижу именно здесь, — волосы Лин Су свесились прямо к уху Хэ Яньхуэя. — На подоконнике у тебя справа стоит моя камера. Стой… руки опусти! С этого момента это твое место, хочешь что-то сделать — просто скажи мне.

— А прямо напротив тебя… буду я.

Когда твои ноги заживут, сидя на стуле, ты сможешь коснуться меня протянутой рукой.

— Схожу-ка я принесу тебе перекусить, чтобы ты заморил червячка, — Лин Су покачал головой, приказывая себе перестать думать о всякой ерунде, и усадил Хэ Яньхуэя у окна под таким углом, куда падали лучи солнца. — Вчера ты нормально ел? Ладно, можешь не отвечать — наверняка нет.

Хэ Яньхуэй виновато улыбнулся.

Золотистые лучи солнца пробивались сквозь кроны высоких деревьев снаружи, и высокий переносичный нос Хэ Яньхуэя делил его лицо на две половины — светлую и темную. Его утонченные, словно высеченные из камня черты лица заставили стоявшего неподалеку Лин Су на мгновение замереть от восхищения.

Когда Хэ Яньхуэй не выражал никаких эмоций, от него всегда исходило какое-то давящее, властное ощущение. Когда он опускал взгляд и поджимал губы, он походил на хладнокровного, бесчувственного робота.

Но стоило ему услышать шаги Лин Су, стоило тут же повернуться и поднять голову, как в этом ожидании, сквозящем бесконечной радостью, проступало столько мягкости, будто он был крошечным котенком, прильнувшим к подоконнику и тихонько мяукающим.

Какое же сокровище он в конце концов подобрал…

Лин Су не удержался и расплылся в глупой умиленной улыбке, продолжая стоять на месте и по-дурацки радоваться.

— Ну, принимай своего соседа!

Лин Су опустил переноску для кошек и расстегнул молнию, развернув ее к Хэ Яньхуэю.

Цзуцзун, будучи одной из двух главных звезд заведения, принимал гостей куда больше, чем сам Лин Су, и совершенно не боялся людей. Завидев Хэ Яньхуэя, он замахал своим огромным хвостом, похожим на метелку для пыли, тряхнул головой, без малейших колебаний выпрыгнул из переноски, вытянул мягкие лапки, широко растопырил пальцы, сладко потянулся и не спеша устроился на коленях у Хэ Яньхуэя.

Столкнувшись с внезапным теплом, Хэ Яньхуэй выглядел куда более напуганным, чем сам Цзуцзун.

— Лин Су, он... — Хэ Яньхуэй так растерялся, что даже не знал, куда деть руки. Стоило ему коснуться шерстки Цзуцзуна, как он едва не отдернул руку от испуга. Его длинные пальцы замерли на весу — не зная, то ли опустить их, то ли оставить на месте, — и он в панике то и дело поворачивал голову назад в поисках Лин Су.

Лин Су держал камеру и смеялся так, что едва мог разогнуться, а Цзуцзун на коленях у Хэ Яньхуэя уже нашел удобное положение, улегся, свернувшись кольцом из собственного хвоста, и принял самую обычную позу гладь-меня-быстрее, ожидая, пока этот двуногий сверху хоть как-то отреагирует.

В итоге он замер в этой позе, прождал целую вечность, а человек наверху оставался абсолютно неподвижным.

Цзуцзун повернул голову и бросил на него уничтожающий взгляд.

— Если ты не начнешь его гладить, он ведь обидится, — Лин Су подошел с камерой, на лету перехватил растерянную руку Хэ Яньхуэя и, переплетя свои пальцы с его, плавно повел вниз.

Хэ Яньхуэй коснулся телого, вздымающегося пушистого комочка — такого теплого и живого, который при прикосновении его руки даже не думал отпрянуть, а напротив, обвился вокруг него хвостом.

— Он очень послушный, — Лин Су устал стоять и попросту привалился к плечу Хэ Яньхуэя.

Сзади это выглядело так, будто он обнимает Хэ Яньхуэя, тесно и неразрывно прижимаясь к нему.

Бледные, холодные руки Хэ Яньхуэя, оказавшиеся зажатыми между кошачьей шерсткой и телом Лин Су, постепенно оттаивали, словно весна за окном.

— Тот, что покрупнее — это Цзуцзун, характер у него получше, можешь гладить где угодно, ему все равно, — Лин Су направлял руку Хэ Яньхуэя, поглаживая Цзуцзуна по животу, и вдруг заметил, что Хэ Яньхуэй мимоходом крепко переплел с ним пальцы.

Лин Су на миг замер, попытался высвободить руку, но обнаружил, что Хэ Яньхуэй, опустивший голову и делающий вид, будто со всей серьезностью гладит кота, держал его очень крепко.

Ого, а силенок в пальцах у этого паренька хоть отбавляй.

Лин Су приподнял брови и, притворившись, будто ничего особенного не происходит, продолжил подробно рассказывать о повседневных привычках Цзуцзуна.

Цзуцзун, лежавший на спине на коленях Хэ Яньхуэя, попытался было пару раз зацепить их руки когтями, но оставил эту затею и теперь лежал с совершенно отрешенным видом, уставившись в потолок.

Эй, смертные, вы меня вообще-то гладите, но где ваши мысли?

Руки зависли в воздухе черт знает на сколько, а они всё гладят.

До пуза твоего Цзуцзуна вы еще даже не добрались! Чего вы оба покраснели-то?!

Двое мужчин напоминали неопытных родителей, впервые забирающих ребенка из школы. Выходя из магазина, они настолько погрузились в свою негу, что едва не забыли про дитя, медитирующее в переноске.

Хэ Яньхуэй посадил Цзуцзуна себе на колени, позволив Лин Су катить свое кресло назад.

Лин Су жил недалеко от магазина, в обычное время пешком тут было ходьбы минут десять. Но сегодня, прихватив с собой и сына, и крупного котенка-переростка, они возвращались вдвое медленнее обычного.

— Тебе не будет непривычно жить со мной? — доставая ключи у самого входа в дом, спросил Лин Су у Хэ Яньхуэя. — В конце концов, я для тебя почти чужой человек?

Услышав это, Хэ Яньхуэй поднял голову. Его сияющие глаза хоть и не могли сфокусироваться, но в этот момент казались невероятно серьезными.

— Ты не чужой, — Хэ Яньхуэй протянул руку и, как только коснулся ладони Лин Су, крепко сжал его пальцы.

После полуденной тренировки под названием как разобраться с Цзуцзуном, Хэ Яньхуэй уже мастерски умел держаться за руки и, судя по всему, даже вывел для себя пару полезных приемов.

Его ладони были согреты — он только что украсть успел потереть их за спиной, и теперь от его рукопожатия исходил обжигающий жар.

— Ты не чужой, — повторил Хэ Яньхуэй и медленно улыбнулся, глядя на Лин Су.

Сидящий в инвалидном кресле мужчина был высоким и ладным, и в нем больше не осталось прежней бледности и призрачности. В лучах заходящего золотистого солнца и на фоне густых ароматов домашней еды, доносившихся со дворов, улыбающийся Хэ Яньхуэй наконец-то превратился в реального, прочно стоящего на земле человека, который по-настоящему существовал в этом мире.

— Ты — единственный человек во всем моем мире.

Моя радость и гнев, мое веселье и холод — с самого первого мгновения, как я услышал твой голос.

Все это целиком и полностью даровано тобой.

У меня просто нет возможности уйти от тебя.

http://bllate.org/book/40887/5201156